

О ГОВОРАХ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА (НА ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКОВОМ МАТЕРИАЛЕ)

И. Н. ЦАЛЛАГОВА

Диалектные явления, которые образуются в зоне междиалектных и межъязыковых контактов, всегда вызывали большой интерес у диалектологов и историков языка, представляя собой интереснейший объект для лингвистического исследования.

Диалекты, как в своей истории, так и в современном состоянии, соприкасаются с языками родственными и неродственными. Результаты контактов по-разному хронологически маркированы. Контакты, относящиеся к разным периодам существования языка, проявляются в виде фактов, связанных с категорией субстрата. Но достаточно распространены и такие явления, которые возникли в результате межъязыковых контактов более нового времени и имеют последствия преимущественно в виде создания в идиоме корпуса заимствованной по происхождению лексики. Явление языковых контактов для диалектов актуально и в пределах одного языка. Это происходит при общении носителей разных диалектов, в той или иной степени различающихся друг от друга и граничащих друг с другом на достаточно большой территории. Вследствие этого образуются переходные типы диалектов, в том или ином виде комбинирующие особенности контактирующих идиомов [1, 7-8].

Переходные говоры не только объединили особенности контактирующих диалектных групп, но и, что особенно важно, развили в своих системах в результате многовековой интерференции специфические черты, не свойственные по отдельности контактирующим диалектам (гиперизмы, контаминированные формы, разного рода реликты и т.п.) [2, 105].

Обращаясь к данной проблеме, следует напомнить, что термин «языковой контакт» был введен в научный оборот А. Мартине [3]. Наиболее большую известность данный термин получил благодаря трудам У. Вайнрайха [4; 5, 22]. Первоначально термин «языковой контакт» обозначал, как правило, взаимодействие двух или более языковых систем вследствие использования их одним носителем. При этом отметим, что противопоставлялись «свой (родной, первый)» и «чужой (второй)» язык, в независимости от статуса контактирующих языковых идиомов (литературный язык, диалект, койне и пр.) [6, 58]. Иное толкование данного термина дается в Словаре лингвистических терминов под редакцией О.С. Ахмановой: «Языковой контакт — это соприкосновение языков, возникающих вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» [7].

Разновидность диалектного образования, называемого в лингвистике переходным говором, должна отвечать ряду критериев, а именно:

а) переходный говор может возникнуть лишь в зоне междиалектных/межъязыковых контактов;

б) по составу своих черт он фактически не совпадает ни с одним из контактирующих языков/диалектов;

в) переходный говор предполагает наличие системы, которая постоянно находится в процессе изменения и развития;

г) переходный говор должен иметь достаточно длительную историю, что на современном этапе развития может подтверждаться наличием архаизмов;

д) «развитие, приводящее к образованию переходных говоров, не есть лишь достояние истории языка, но происходит и в современном состоянии говоров». Поэтому в переходных говорах неизбежно возникновение новообразований в виде различного рода гиперизмов и контаминированных форм [8, 76; 2, 105].

О важности и значимости новообразований в переходных говорах пишет А.Б. Пеньковский: «Изучение новообразований имеет важное значение для исторической диалектологии и истории языка, так как открывает причинно-следственные связи между явлениями, которые в иных говорах оказываются разобщенными или частично утраченными в процессе развития... Это способствует значительному расширению наших представлений о явлениях конвергенции в историческом развитии говоров, когда различные или сходные, но независимые процессы приводят в разных говорах к возникновению тождественных результатов» [8, 180].

Как известно, среди говоров осетинского языка особое место занимает уаллагкомское смешанное наречие. До сих пор нет однозначного решения, говором какого же из двух вариантов осетинского языка он является. Тем более что в настоящий момент в селах Уаллагкома (Уаллагком), некогда густо заселенных, осталось жить малое количество населения, остальные же расселились в равнинные села, где сохраняют некоторые особенности своей речи, но также и впитывают из окружающего их языка новые черты.

Мы бы хотели остановиться на истории формирования данного диалектного массива. Уаллагкомом называется район, расположенный в верховьях р. Сонгутидон — одного из притоков р. Урух (Ираф) в Дигорском ущелье РСО-А. В период последнего описания местного наречия (в середине XX в.) Уаллагком включал четыре населенных пункта: Дунта (42 двора), Галиат (37 дворов), Камунта (13 дворов) и Хуссар (одна семья), всего около 90 дворов с населением около 500 человек. Села расположены на расстоянии 1-2 км друг от

друга и граничат с Алагирским ущельем с иронским населением, откуда, как считают уаллагкомцы, и переселились их предки. Таким образом, в результате длительного взаимодействия контактирующих идиомов (иронского и дигорского диалектов) сформировалась периферийная зона, имеющая смешанный или переходный характер. По мнению М.И. Исаева, переселение произошло раньше того периода, когда в иронском диалекте произошел переход *k, k', g* и *č, č', ž* перед *e, i, y*, судя по материалам В.Ф. Миллера, где еще встречается *kizgæ* вместо *čuzg*, *lægi* вместо *læžy*. К тому же он считает, что, исходя из степени дигорского влияния на язык жителей этих сел и по их удаленности от Алагирского ущелья, первыми были основаны сел. Хуссар и Дунта, затем Камунта и позже всех — Галиат [9, 91; 10, 448].

Следует отметить, что этот тип речи давно привлек внимание ученых. Первым его обнаружил и впоследствии ввел в научный оборот В.Ф. Миллер во время своей первой поездки в Осетию в 1880 г. Побывав в одном из сел Уаллагкома сел. Камунта, он записал на этом говоре две сказки: «*Лæг, бирæг æмæ рубас*» («Человек, волк и лиса») и «*Дигур хайраги куд фæсайдтой*» («Как дигорцы черта обманули»). Эта первая фиксация данного говора является очень важной и имеет большое значение для его характеристики. Исследователь определяет его как говор (иронского), в котором уже появляются «некоторые черты дигорского» [11, 43-44]. Кроме того, Миллер, проанализировав собранный им материал, определил некоторые основные особенности говора, среди которых выделил восемь пунктов:

1) появление вместо иронского звука [y] дигорского [i] как после плавных и носовых, так и после других согласных: *bændæni — bændæny, min — myn, sista — systa, ravidista — ravidysta, bæxi — bæxy*;

2) чередование дигорских глагольных форм с окончанием [æ] с иронскими: *cæwæntæ — cæwænt, kænyncæ — kænynс*;

3) иногда встречаются формы глаголов с протетическим [i] в начале слова, свойственный дигорскому: *iswaxta, isbidta, issardta*;

4) в постпозиции *y*l [y] чередуется с [u]: *wærdonul* — *wærdonyl*;

5) иногда чередуются [i] [e]: *igar* — *jegar*, *ættejæ* — *ættiwjæ*;

6) появление вместо иронских [ʒ] [č] дигорских [g] [k]: *gullagi* — *gullaʒy*, *ki* (*kij*) — *či*;

7) [ǰ] вместо [q]: *sawǰæd* — *sawqæd*;

8) в окончании глагольных форм вместо иронского [m] появляется дигорское [n]: *amaræn* — *amaræm*, *kænæn* — *kænæm*.

Д. Г. Бекоев, рассматривавший в своем исследовании данный тип речи, отметил в особенностях, выделенных Миллером, некоторые недочеты. Так, по его мнению, в пункте 4, где отмечено, что в постпозиции *y*l [y] чередуется с [u], нет чередования. Он предположил, что в первом слове *wærdonul* Миллером не улавливается слабый гласный [y], и мы здесь имеем дело с двумя вариантами этого слова *wærdonuy*l — *wærdony*l, которые параллельно функционируют в осетинском языке. Кроме того, он считает, что приведенные Миллером в пункте 5 две формы одного слова *ættejæ* — *ættiwjæ* также существуют в языке параллельно, что не позволяет выделять их как особенность только этого говора [12, 159].

Выделенные Миллером особенности нашли свое подтверждение в работе М. И. Исаева. Однако его исследование показало, что помимо фонетических особенностей в данном говоре наблюдается ряд грамматических и лексических изменений, которые произошли в речи жителей Уаллагкома под влиянием дигорского диалекта [9, 106].

Система гласных уаллагкомского наречия представлена Исаевым в количестве девяти фонем (пять сильных или долгих — [a], [o], [e], [i], [u] и четыре слабых или кратких — [æ], [y], [i], [u]). Следует отметить, что в иронском варианте осетинского языка мы имеем семь гласных (пять сильных — [a], [o], [e], [i], [u] и две слабых — [æ], [y]). Дигорский вокализм отличен тем, что те же семь гласных по долготе группируются по-другому: долгие [a], [o], [e], [i], слабые [æ], [i], [u]. Здесь наглядно видно, что уаллагкомский вокализм образовался посредством включения в состав иронских гласных двух дигорских кратких гласных [i], [u].

Что касается консонантизма, то, по данным Исаева, иронские двухфокусные аффрикаты (палатальные) [č], [čʰ], [ʒ] перед гласными [e], [i], [y] полностью заменили звуки [k], [kʰ], [g]. Эта замена свойственна и дигорской лексике в уаллагкомском наречии (*tyčys* (диг. *tikis*) «кот», *čela* (диг. *kela*) «стул», *mænžyttæ* (диг. *mængættæ*) «обман, неправда»).

Если говорить о соответствии дигорскому согласному в начальной позиции [ǰ], иронского [q], то уаллагкомское наречие ближе к дигорскому диалекту: *ǰæw* «село», *ǰog* (*ǰug*) «корова», *ǰædæ* «лес, бревно, дерево, стебель» и т.д.

При языковом смешении двух близкородственных диалектов или языков наблюдаются случаи вклинивания отдельных элементов грамматической системы одного языка или диалекта в грамматическую систему другого языка или диалекта [13].

В уаллагкомском наречии отмечается появление окончания именительного падежа [æ], которое сохранилось только в дигорском диалекте: *cæstæ* (*cæst*) «глаз», *zænχæ* (*zænχ*, *zæχχ*) «земля», *ǰædæ* (*ǰæd*) «лес, бревно, дерево, стебель» и т.д.

Кроме этого, Исаев обнаруживает и ряд особенностей морфологического характера. Так, в уаллагкомском, как и в дигорском, функцию совместного падежа выполняет послелог *χæссæ* «совместно, с»: *čyžy χæссæ* «с девушкой», *ænbali χæссæ* «с другом», *ciraǰi χæссæ* «с лампой» и т.д.

Он отмечает появление между превербам и глаголами энклитических местоимений как в дигорском: диг. *Ba mæ farsta woci læg*; уал. *Ba mæ farsta wycy læg*; ир. *Ba farsta mæ wycy læg* — Спросил меня тот человек.

Происходят изменения и в системе спряжения, заключающиеся в чередовании иронских и дигорских форм:

	ир.	диг.	уал.*
1-е лицо	<i>cydain</i>	<i>cuđajnæ</i>	<i>cyđajnæ</i>
2-е лицо	<i>cydais</i>	<i>cuđajsæ</i>	<i>cyđajsæ</i>
3-е лицо	<i>cydaid</i>	<i>cuđajdæ</i>	<i>cyđajdæ</i>

* Здесь и далее: ир. — иронский вариант осетинского языка; диг. — дигорский вариант осетинского языка; уал. — уаллагкомский переходный говор.

Ряд особенностей морфологического характера исходит из отмеченного еще Миллером фонетического явления замены звука [m] звуком [n].

Так, согласный звук [m] в конце глагольных форм 1-го лица множественного числа в иронском диалекте соответствует дигорскому [n]. В уаллагкомском же говоре глаголы в форме первого лица множественного числа сходятся с дигорским, а формы второго и третьего лица иронские: ир. *tax səwæt* «мы идем», *tax səræt* «мы живем»; диг. *tax səwæp*, *tax səræp*; уал. *tax səwæp*, *tax səræp*.

В глагольной форме третьего лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения в уаллагкомском появляется свойственная тем же формам в дигорском конечная [æ]: *səwypcæ* «идут» (ср. ир. *səwypc*/диг. *səwypcæ*).

Следующая морфологическая особенность исходит также из замены конечного губного [m] зубным [n]. Как известно, в иронском диалекте направительный падеж (арэзтон хауæн), имеющий субъектно-объектное, локативное, пространственное и обстоятельственное значение, имеют два окончания — для множественного числа и как исключение для единственного числа *-æt* и *-næ*. В уаллагкомском наречии происходит замена конечного [m] на согласный [n] в окончании *-æt*. Поскольку имена существительные в форме дательного падежа в обоих диалектах имеют окончание [-æn], то в случае описываемой замены согласных, происходит совпадение падежных форм направительного и дательного падежей. Это приводит к тому, что, например, слово «*bæxtæn*» может означать как «к лошадям», так и «лошадям», *bæstæn* означает как «в страну», так и «в стране» и т.д. Как видим, эта форма отлична от форм обоих диалектов, и мы имеем дело с новообразованием в описываемом переходном говоре [8, 109].

Уаллагкомский говор еще можно охарактеризовать появлением в нем частицы *bæ*, вместо которой иногда употребляется *wæ* (соответствует иронскому *ta* и дигорскому *ba* «а, же»), например: *Æz nal xəryn*,

dy bæ? Æz bæ næbal. — Я уже не буду кушать, а ты? — Я тоже нет.

Некоторые изменения произошли и в местном внешнем падеже:

уал.	ир.	диг.	
<i>lægu (y) l</i>	<i>lægyl</i>	<i>lægbæl</i>	«на человеке»
<i>særu (y) l</i>	<i>særyl</i>	<i>særbæl</i>	«на голове»

Наиболее ярко своеобразие уаллагкомского говора проявляется в его лексическом пласте. Исаев выделяет три группы слов, которые претерпели какие-либо изменения:

1. Слова, на звуковом оформлении которых, отразились некоторые фонетические закономерности дигорского диалекта:

уал.	ир.	диг.	
<i>cirağ</i>	<i>cyrağ</i>	<i>cirağ</i>	«лампа»
<i>cirt</i>	<i>cyrt</i>	<i>cirt</i>	«могила»
<i>ğæw</i>	<i>qæw</i>	<i>ğæw</i>	«село»
<i>non</i>	<i>nom</i>	<i>non</i>	«имя»

2. Дигорские слова, которых нет в иронском диалекте, усвоенные уаллагкомским:

уал.	ир.	
<i>amæntæn</i>	<i>aryng</i>	«корыто»
<i>wæs</i>	<i>rod</i>	«теленок»
<i>dærk'æ</i>	<i>sænykk</i>	«козленок»

4. Дигорские слова, отсутствующие в иронском диалекте, которые претерпели изменения в соответствии с фонетическими закономерностями иронского:

уал.	ир.	диг.	
<i>čybyla</i>	<i>bedra</i>	<i>k'ibila</i>	«ведро»
<i>č'ela</i>	<i>bandon</i>	<i>k'ela</i>	«стул»
<i>myñ'i</i>	<i>gyccyl</i>	<i>min'ij</i>	«маленький»

Другим ученым, который заинтересовался данным смешанным типом речи, стал Д. Г. Бекоев, который летом 1968 г. совершил экспедицию в села Уаллагкома и собрал языковой материал, зафиксировав тем самым особенности речи их жителей. На тот момент в сел. Дунта проживали такие фамилии, как: Байсогуровы (Байсогъуыртæ), Кибизовы (Хъыбызтæ), Дзусовы, Гокоевы, Цараговы, Икаевы, Кудзоевы, Гегкиевы (Джеджджытæ). В сел. Хуссар — Кибизов Александр с семьей, остальные семьи переселились в равнинные села РСО-А. В сел. Камунта: Каргиновы (Хъ-

æрджынтæ), Цопановы, Атаевы, Бекмурзовы (Бекмæрзтæ), Магкаевы, Караевы. В сел. Галиат проживают Гасуновы, Салказановы, Езеевы, Гусаевы, Годузовы (Годызтæ), Загаловы, Калаевы (Хъалатæ), Балаевы (Бæлаутæ), Гибизовы (Джыбызтæ).

В ходе исследования Бекоева нашли свое подтверждение все особенности уаллагкомского говора, отмеченные Миллером и Исаевым [11; 9]. Бекоев заключает, что описываемый говор по своему строю ближе всего к алагирскому цокающему говору, но в ходе тесного взаимодействия с дигорским диалектом в нем произошли значительные изменения.

Кроме описанных выше языковых черт ему удалось обнаружить и другие. Так, им отмечено своеобразное использование приставки *ra-*. Дело в том, что в данном говоре, свойственные иронскому диалекту приставки *a-*, *ba-*, *fæ-* (*fe-*), которые присоединяют к глаголам движения, перемещения, в уаллагкомском говоре заменены приставкой *ra-*, например:

Уаллагкомский говор

Læppi hæzarmæ bawad æmæ zury:

— *Baba, næ ġucsyttæ 'mæ næ wæšyttæ næmæ 'rbacydyšty.*

— *O mæ cæn rakæš, ġæwy šæ rajagur.*

— *Æmæ næ rawænzynæn, ærtalyng iš.*

Алагирский цокающий говор

Læppi hæzarmæ bawad æmæ zury:

— *Baba, næ qucsyttæ 'mæ næ ræwædtæ næmæ 'rbacydyšty.*

— *O mæ šæm akæš, qæwy šæ bacagur.*

— *Æmæ næ awænzynæn, ærtalyng iš.*

«Мальчик зашел в комнату и говорит:

— Папа, наши коровы и телята еще не пришли.

— Вот и сбегай за ними (букв. выгляни к ним) и разыщи их в селе.

— Я боюсь выходить, уже стемнело» [11, 43-44].

Следует отметить, что данное явление также образовано путем замены превербов иронского диалекта *a-*, *ba-*, *fæ-* (*fe-*) на дигорскую приставку того же значения, а именно указание на направление движения наружу в независимости от местонахождения наблюдателя, *ra-*: ср. *rajagorun* «поис-

кать», *racæwin* «выйти», *razorun* «выговорить, поговорить», *rakæsun* «посмотреть» и т.д.

Уаллагкомский смешанный говор образовался на основе иронской речи под сильным влиянием дигорского диалекта. Первоначальная иронская система наречия подверглась изменению на всех языковых уровнях — фонетическом, морфологическом, лексическом.

Все отмеченные особенности обусловлены влиянием дигорского диалекта. Однако многие языковые тенденции, возникнув под влиянием дигорского, стали существовать и развиваться самостоятельно, что привело к началу образования новой, собственно уаллагкомской диалектной системы.

Носители уаллагкомского наречия давно покинули место своего основного расселения и смешались частью с носителями иронского диалекта, частью с носителями дигорского диалекта. Смежное между дигорским и иронским диалектами наречие, близкое к уаллагкомскому, бытует в двух населенных пунктах Дигорского района РСО-А (Карман и Синдзикау), но в этих селах смешение двух диалектов проходило в других условиях. Кроме того, наречие жителей указанных сел за последние годы испытало сильное влияние иронского варианта осетинского литературного языка [14, 4]. Говор жителей селений Карман и Синдзикау на сегодняшний день практически не исследован, поэтому делать какие-либо выводы по этому вопросу преждевременно.

Интересный факт переходного типа речи нами обнаружен в ходе экспедиции в Моздокский район РСО-А в сел. Виноградное — место компактного проживания дигорцев. По данным информантов, на сегодняшний день в этом селе проживают такие фамилии, как: Айларовы (Айлартæ — выходцы из сел. Синдзикау), Икаевы (Икъатæ — из Уаллагкома), Хутеевы (Хутъетæ — из Уаллагкома), Атаевы (Атайтæ — из сел. Галиат), Магаевы (Магатæ — из сел. Синдзикау), Гадзаевы (Гадзаутæ — из Уаллагкома), Цагараевы (Цæгæратæ — из сел.

Синдзикау), Вазаговы (Уазæгтæ — из сел. Синдзикау).

В ходе экспедиции нами выявлено, что большая часть осетинского населения данного села, особенно молодое поколение, плохо владеет родным языком. Из-за этого в качестве информантов могут выступать преимущественно представители старшего поколения. При сборе диалектного материала мы столкнулись с очень интересным явлением — речью одной жительницы этого села, предки которой переселились, по ее словам, из сел. Ахсарисар (Æхсарисæр) (Атаева Зарета Андреевна, 76 лет). Ее мать (Олисаева) также была переселенцем, но из Уæллагкома. Учитывая тот факт, что у нее смешанное иронско-дигорское произношение (как в уаллагкомском наречии), а также то, что Атаевы являются выходцами из Уаллагкома, мы предполагаем, что ее предки переселились из Уаллагкома сначала в Ахсарисар, и только потом в сел. Виноградное Моздокского района. Следует отметить, что она и ее семья считают себя дигорцами. Между тем, известно, что уаллагкомцы всегда считали себя выходцами из Алагирского ущелья и носителями «чистого» иронского диалекта [12].

Говор З. А. Атаевой ввиду многих факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических, вобрал в себя многие фонетические черты как дигорского, так и иронского диалекта осетинского языка. Кроме того, это привело к появлению новообразований и различных контаминированных форм.

Нами выделены несколько пунктов особенностей речи данного информанта:

1. В некоторых случаях отсутствие в постпозиции гласной [æ], характерной для окончаний имен существительных в дигорском варианте осетинского языка: *bælas* «дерево» (ср. ир. *bælaš* диг. *bælasæ*); *nas* «тыква» (ср. ир. *naš* диг. *nasæ*); *xwærgænas* «огурец» (ср. ир. *žit'ri* диг. *xwærgænasæ*) и т.д.

2. Использование иронских форм с дигорским окончанием -æ: *xæfsæ* «лягушка» (ср. ир. *xæfs* диг. *xæpsæ* (в некоторых дигорских говорах отмечается использование формы *xæfsæ*) и т.д.

3. Использование иронских форм: *qaru* «сила» (ср. диг. *qawræ*, *qarwæ*); *fændarast fæu* «счастливого пути» (ср. диг. *fændarast fæwwo*); *æxšync'у* «слива» (ср. диг. *æxšync'æ*); *buznyg* «спасибо» (ср. диг. *boznæ*, *boznug barakkala*); *wærykk* «ягненок» (ср. диг. *wærikkæ*); *ražy* «давно» (ср. диг. *ragi*); *æfsymær* «брат» (ср. диг. *ænsuvær*); *fyttæltæ* «предки, отцы» (ср. диг. *fittæltæ*); *niči* «никто» (ср. диг. *neke*); *čynzy 'rcyttæn* «замуж вышла» (ср. диг. *kinzi ærcuttæn*) и т.д.

4. Появление иронского [y] вместо дигорского [i] [u]: *kyzgæ* «девочка» (вм. *kizgæ*); *cydæj* «шел» (вм. *cidæj*); *acyrdæmæ* «в эту сторону» (вм. *acirdæmæ*); *ralyğdæncæ* «убежали, выселились» (вм. *raliğdæncæ*); *ğæwy* «в селе» (вм. *ğæwi*); *ærtæ anzy* «три года» (вм. *ærtæ anzi*); *bydyrmæ* «на поле» (вм. *budurmæ*); *balu* «вишня» (вм. *bali*); *Olisaty* «Олисаева» (вм. *Olisati*) и т.д.

5. Появление вместо дигорского [o] иронского [u]: *rakurzæncæj* «попросит» (ср. диг. *rakorzæncæj* ир. *rakurzæn*); *budæn* «чеснок» (ср. диг. *bodæn* ир. *nury*); *bolk'* «редька» (ср. ир. *bulk'* диг. *bolgæ*) и т.д.

6. Вместо общего для обоих диалектов (иронского и дигорского) преверба *ær-* используется *yr-*: *yrzærondan* «мы постарели» (вм. *ærzærondan*); *yrCARDAN* «начали жить, обживаться» (вм. *ærcardan*); *yrCYDAN* «пришли» (вм. *ærcudan*) и т.д.

7. Своеобразное использование некоторых указательных местоимений: *jacy* «этот» (ср. ир. *acy* диг. *eci*); *jam/jamy/jom* «здесь», «тут» (ср. ир. *am*, диг. *omi/ami*).

Вопрос о современной диалектной принадлежности указанного говора является очень сложным из-за вариативного употребления многих фонетических, морфологических, лексических черт, которые, с одной стороны, имеют явное иронское или дигорское происхождение, а с другой — не обнаруживают аналогии ни в том, ни в другом диалекте.

Для наглядности представим отрывок речи данного информанта:

Rajgurttæn triccæt' væs'moj gody jamy, rast jacy ġæwy medæk. Mæ fyttæltæ, mæ deduškæ, mæ fydy 'fsymær ralyğdæncæ ardæmæ xwæzdær card agorunmæ. Mæ madæ

ba attæj ardygon kyzgæ, Olisaty, æta çynzxon ku `rcydaenca, wæd ku `rkastænca, mænæwtæ zi es, budurtæ zi es, sæ zærdæmæ fæccydaej. Ami zænxytæ es, Æxsærysæri ba næ, zæggæ. Wotemæj jamy yrcardan, `ma yrzæronðan.

Родилась в тридцать восьмом году, здесь, в этом самом селе. Мои предки, мой дед, брат моего отца, переселились сюда в поисках лучшей жизни. А моя мать, была родом отсюда, Олисаева, и когда за ней (за невестой) приехали родственники жениха, они посмотрели, пшеница есть, поля есть, им понравилось. Здесь земли есть, а в Ахсарисаре нет. Так мы здесь поселились, и состарились. (Атаева Зарета 76 лет, 2013 г.)

Если сравнивать эти два типа речи, уаллагкомский говор и речь данного информанта, то главным системным отличием является, то, что уаллагкомский — чокающий, а во втором мы имеем чистое цоканье. Каким образом произошел этот переход, сложно сказать, ведь в Ахсарисаре, куда переселились предки нашего информанта, тоже бытует чокающий тип

дигорской речи. Как известно, цокающий тип речи (дигоринский говор) характерен главным образом для жителей г. Дигора РСО-А. Притом, если мы в уаллагкомском говоре имеем иронскую речь с некоторыми изменениями, образованными под влиянием дигорского диалекта, то здесь совсем наоборот — дигорская речь с элементами иронского диалекта. Однако из-за ограниченности языкового материала наши выводы могут носить лишь предварительный характер. Однозначно лишь можно сказать то, что в описываемом говоре превалируют дигорские формы, а также формы, образованные путем контаминации контактирующих идиомов. Речь данного информанта по фонетическому типу относится к цокающему типу речи. Как видим, описанные переходные говоры не только скомбинировали особенности взаимодействующих диалектных систем, но в результате многовековой интерференции развили в своих системах не свойственные ни одному из контактирующих диалектов специфические черты.

1. Калнынь Л. Э. О понятии «языковой контакт» в применении к русским диалектам // Исследования по славянской диалектологии 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 7-18.
2. Попова Т. В. О диалектной ситуации в зоне украинско-белорусского пограничья // Исследования по славянской диалектологии 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 80-117.
3. Мартине А. Основы общей лингвистики. Серия «Лингвистическое наследие XX века». Изд. 2-е. 2004.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 31.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.
6. Остапчук О. А. Украинско-польские языковые контакты: уровни и способы манифестации // Исследования по славянской диалектологии 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 58-72.
7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
8. Пеньковский А. Б. К проблеме смешанных и переходных говоров // Ученые записки. Серия «Русский язык». Владимир, 1969. Вып. 2.
9. Исаев М. И. Смешанное иронско-дигорское наречие жителей Уаллагкома // Известия СОНИИ. Орджоникиде, 1959. Т. 21. Вып. 4.
10. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.

11. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Москва, 1882. Ч. II.
12. Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали, 1984.
13. Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 451-501.
14. Таказов Ф. М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ, 2009.